

ЭСФИРЬ КОБЛЕР

Плоть времени

Эсфирь Коблер
Плоть времени

«Издательские решения»

Коблер Э.

Плоть времени / Э. Коблер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906520-9

Ибо пыль — это плотьВремени; плоть и кровь.(Иосиф Бродский,
«Натюрморт»)В этих словах Иосифа Бродского вся суть существования
человека во времени и пространстве.

ISBN 978-5-44-906520-9

© Коблер Э.
© Издательские решения

Содержание

ГИБЕЛЬ ПЧЕЛ	6
СМЕРТЬ НА ДВОИХ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Плоть времени

Эсфирь Коблер

© Эсфирь Коблер, 2018

ISBN 978-5-4490-6520-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГИБЕЛЬ ПЧЕЛ

Притча

Пчелы – древнейшие обитатели нашей планеты, по данным палеонтологии, они существовали за 55—60 млн. лет до появления первобытного человека. В Испании, недалеко от города Валенсия, найдено наскальное изображение древнейших наших предков в момент добывания ими меда. Дошедшие до нас памятники материальной культуры показывают, что в начале IV и в конце III тысячелетия до н. э. жители Вавилонского государства успешно занимались пчеловодством.

Ассирию в I тысячелетии до н. э. называли страной меда и масличного дерева. Ассирийцы покрывали тела умерших воском и погружали в мед.

В Палестине пчеловодство было известно около четырех тысяч лет назад.

Дмитрий Иванович Воцев был доволен, как это ни странно, что его в 57 лет отправили на пенсию. В начале 90-х годов, все разваливалось, закрывалось, закрылся и их, самый большой в Сибири Красноярский машиностроительный завод, – вернее делался вид, что он существует, – негласно же практиковалось по все стране такое правило: людей предпенсионного возраста увольняли «по сокращению штатов». А это давало им возможность досрочно уйти на пенсию. Сколько было трагедий! Друг Дмитрия Ивановича, Анатолий Петрович Кораблев, ведущий инженер, разработчик множества программ и усовершенствований, оказавшись в одночасье ненужным, впал в тяжелую депрессию, близкие даже опасались за его здоровье. Но для Дмитрия Ивановича настали хорошие времена.

Дело в том, что с ранней юности была у Воцева заветная мечта: он хотел завести пасеку, разводить пчел. Он собирал книги и статьи, какие только мог достать по пчеловодству. Это выработалось у него в какую-то навязчивую идею. Он сам над собой посмеивался, но как только представилась возможность – еще в советские времена – взять участок подальше от города, потише, покрасивее, с разнотравьем, и в долине между сопками, – он взял, не пожалел денег, – пару гектаров. Но каких!

Поселок, от которого надо было ехать еще километров десять на УАЗике («мой вездеход» как любовно называл его Воцев) до его угодья, вырос в 30-е годы под Красноярском, в часе езды на электричке. Строили его для себя семьи «раскулаченных», в основном, зажиточные казаки, и считали, что им повезло. Их бросили сюда весной, а не в разгар морозов: можно было в тайге прокормиться и выжить, и как-то построиться до зимы, да и город, считай, рядом. А в поздние советские годы поселок слыл богатым хозяйством, с уютными почти городскими домами. И во время бурных перемен селяне с крепкой кулацкой жилкой не растерялись: выращивали и продавали что могли. Так вот, Дмитрий Иванович хорошо заплатил и бульдозеристу и трактористу из поселка. К его дальнему участку проложили просеку в тайге. Он огородил сеткой своё хозяйство, – скорее от зверей, чем от людей, – поставил сторожку, и летом регулярно приезжал траву косить, пни выкорчевывать и любоваться природой. А любоваться было чем!

В его «сотки» входило светлое озеро с ключевой водой, огромная поляна с разнотравьем, и все посреди тайги. А небо! А воздух!

Виды и из окна его дома в Красноярске были дивные. Он жил на девятом этаже нового кирпичного дома, лоджия большой комнаты выходила на Енисей. Далеко-далеко видны были и широкие разливы реки, и могучие весенние воды; Енисей, правда, теперь не замерзал, как Красноярскую ГЭС построили, но наполнялся весной большой водой и с шумом мчался вдаль. Ночью город и пароходы, которые плыли по Енисею, сияли огнями: переливалось отражение в воде, и радовали душу. А еще летом глубокое синее небо, поднималось куполом ввысь; зимой

оно было звездное, морозное – звезды висели прямо над головой. Но вот такого воздуха, как там, в тайге, в городе не было.

– Я, если что, – шутил Дмитрий Иванович, – этот свой таежный воздух резать буду и по кускам продавать. В городе его и не знают даже.

Потому и тянуло его в тайгу, хотя там и мошकारа, и цивилизации нет.

Но пчелы дело ответственное. А времени у старшего мастера смены на такие забавы не было. Он все ходил по дому за женой, Варварой Игнатьевной, в редкие выходные и читал ей:

«Для получения одного килограмма меда пчелы должны сделать до 4500 вылетов и взять нектар с 6—10 миллионов цветков. Сильная семья может собрать в день 5—10 килограммов меда, 10—20 килограммов нектара».

– Нет, ты только подумай, мы за всю жизнь столько не нарботаем как они за один день! А ведь мы с тобой не лентяи, – восхищенно говорил он жене. – «Самые высокие медосборы нектара получают на Дальнем Востоке и в Сибири. Известны случаи, когда в период цветения липы на Дальнем Востоке привесы контрольного улья достигали 30—33 кг за день. Отдельные пчелиные семьи в условиях Сибири собирают по 420, а на Дальнем Востоке – 330—340 килограмм меда за сезон».

– Ты представляешь, какие труженицы эти пчелы! – снова восхищался он. – А, главное, у нас, в Сибири лучший-то мед и есть, и больше всего его собирают!

Вот и ждал Дмитрий Иванович, когда же, наконец, сможет он заняться любимым делом.

Теперь оно, время, появилось в любом количестве. Прежде всего, поехал он к знаменитым пасечникам, с которыми давно завел дружбу. Потом с их помощью купил и установил улья, и со знатоками, с подсказкой завел пчел, которые охотно, он чувствовал это, зажили у него в таежном приволье. Дел теперь у Вощева было по горло. С утра до поздней ночи, с ранней весны до поздней осени, а весна – лето в Сибири короткие, но бурные и жаркие, – возился он с ульями и пчелами. Открывал, закрывал, обкуривал, выпускал, следил за полетом, за пчеломатками, – их здоровье волновало его не меньше, чем здоровье внуков. Внуков у него было пятеро. Двое у дочери, Марии, и трое у сына, Михаила. Старшему уже двенадцать лет исполнилось, а младший, названный в честь деда Митькой, еще в пеленках лежал, ему всего-то полгода было сейчас, в 2008. А вот когда 15 лет назад дед начинал дело, внуков еще и в проекте не было, и все вокруг него были в панике, никто не знал, как дальше жить.

Растерянность, неуверенность в завтрашнем дне, неумение жить вне какой-нибудь общности, всеобщая нищета царили вокруг. Дмитрий Иванович сам дело нашел и других успокоил и пристроил.

С самого начала пчеловодство его заладилось: ведь начиналось оно с любовью, и, несмотря на лихие годы, на его пасечный бизнес никто не посягал. Дело это было единичное, хлопотливое, требовало труда и умения. Первый бидон настоящего таежного меда он привез в семью и с гордостью каждому разлил по банке. Варвара Игнатьевна тихо перекрестилась. Она знала: раз дело пошло, Митюша ее будет спокоен и счастлив. Уж больно долго он мечтал о пчелах. А когда у Вощева жизнь настроилась на хороший лад, он вокруг себя стал людей обустройства.

Дмитрий Иванович очень боялся, что за своим счастьем других не увидит. Превратится в какого-нибудь Чимшу-Гималайского. И все перечитывал любимые рассказы Чехова. Очень его беспокоил рассказ «Крыжовник».

Неужели и он тоже бессовестно счастлив, когда столько несчастья вокруг? Помнил он слова Николая Ивановича о брате его Иване Ивановиче.

«Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своей судьбой, самим собой. К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то

грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию».

Читая и перечитывая чеховские строки, Дмитрий Иванович переживал, был неспокоен, корил себя в чем-то и старался, очень старался, чтобы не заплывать душевным жиром, чтобы как-то помочь другим. Действительно, вокруг было много горя и неустроенности.

В свое время он и Анатолию Петровичу привез банку меда с «первого», так сказать, урожая, чтобы поддержать друга и успехами похвастать. Вощев только кричал сочувственно, глядя как Кораблев, сгорбившись, волочит ноги, еле двигаясь по комнате. А ведь еще совсем недавно этот человек летал по огромному цеху, отдавал распоряжения, зорко смотрел, чтобы все четко по чертежам соблюдалось. Посмотрел на эту тяжкую перемену Дмитрий Иванович, посмотрел и начал кумекать, как горю помочь. И придумал. Он свел своего друга с сыном Мишкой.

Мишка в середине девяностых положил красный диплом и диссертацию по развитию машиностроения под подушку, горько пошутив, что теперь не инженеры целого нужны, а челноки, то есть одна часть единой машины под названием «делай деньги», а все остальное по фигу. Он и стал челночить. Таскался с мешками в Китай, а потом обратно – с товаром и на рынок. Ох, ненавидел он свой «бизнес». Глядя сочувственно на своего статного, крупного, голубоглазого сына (настоящий сибиряк!), Вощев боялся, что тот не выдержит торгашеской жизни, сломается.

Так вот. Дмитрий Иванович соединил своих горемык, и придумали они такое дело – создавать и продавать сложные индивидуальные, охранные системы. А поскольку «авторитетам» и новоявленным миллионерам системы эти нужны были позарез, дело быстро пошло в гору. Петрович изобретал все новые и новые хитрости, а Мишка налаживал дело, искал клиентов, занимался рекламой. Уже через год оба забыли о своих неприятностях. Анатолий Петрович вновь летал как молодой, а Мишка женился и стал домишко загородный строить, больше на замок похожий, чем на дачу.

Теперь на Мишкиной даче от мая до сентября, когда первые белые мухи в Сибири начинали летать, жили все: и Мишка с семьей, и Мария с детьми, и его Варвара Игнатьевна. Только он, Дмитрий Иванович Вощев, существовал один в тайге со своими пчелами, да с кавказской овчаркой Бураном, которую завел, чтобы зверей пугать, верного друга рядом иметь, да тихими вечерами разговоры с кем-нибудь вести.

Одинок Вощеву было в тайге, скучал он по своим, особенно по внукам. Но страсть к пчелам и пасечному делу пересиливала все. Телефон в его глухомани не работал. Он иногда срывался в поселок, чтобы позвонить и услышать милые голоса внуков. Вечером, закончив многотрудные дела, – а ульев у него было около тридцати, – садился Дмитрий Иванович у порога сторожки, разводил костер, чтобы мошка не донимала, а заодно и кошеварил – варил кашу себе и Бурану, – правда, Буран получал еще и кость с мясом. (Мясо завозил Вощев по несколько килограмм сразу и хранил в погребе). Собака его была крупная, холеная, в тайге выгулянная. Когда зимой Буран поневоле жил хоть и в большой трехкомнатной квартире Вощева, места ему не хватало. Он, бывало, развалится посреди коридора, так что Варвара Игнатьевна и пройти не может. Она роста была среднего, но круглая, полненькая, с ямочками на щеках, веселая, улыбочивая, – за что, в свое время и полюбил ее Вощев, – протискиваясь мимо Бурана, она все причитала:

– Да что же ты за собака такая! Тебя холишь, поишь, кормишь, а ты все фокусы выкидываешь, жить не даешь! – но Буран четко знал – это она просто ворчит, а, вообще, она его любит. Не так, конечно, как хозяин, но всё же, он родное ей существо.

Летом, в тайге, по вечерам, пока Вощев варил кашу, Буран обегал свои владенья, метил их, и грозным рыком отгонял возможных врагов. Иногда от скуки он начинал громко лаять, потом прислушивался, ожидая ответа, но отвечать тут было некому. Изредка потягивала

лисица или волк выл, тогда шерсть на загривке собаки вставала дыбом, и он поднимал такой лай, что Вошеву приходилось его успокаивать.

Пока дочка замуж не вышла, все боялся, что заведется в семье какой-нибудь неприкаянный недотёпа, и дело его, Вошева, пойдет прахом: у сына свой бизнес, у дочери – дети. Кто помощником будет? Но зять, наоборот, попался деловой и домовитый. Сразу полюбил и принял большую вошевскую семью. Перехватил у Мишки брошенный им челночный бизнес, завел свой магазин и торговал теперь в нем китайским чаем и медом с пасеки – от покупателей отбоя не было. А дочка, Мария, хоть и хрупкая телом и тихим голосом говорит, – какая-то воздушная у нее красота, – мужа держала в ежовых рукавицах и дома командовала не хуже генерала.

Все уладилось вокруг Вошева.

На зиму, уезжая в город, закрывал Дмитрий Иванович улья щитами, поставленными наискосок под углом, потом доски накрывал сосновыми лапами или ельником, и уже в деревне дожидался, живя в мансарде у давнего приятеля Архипыча, первого настоящего густого снега. Благо в Сибири его долго ждать не надо: уже к концу сентября иногда все засыплет.

У него же оставлял он в гараже и старый свой УАЗик (в городе теперь у него был Вольво), и просил Архипыча, старого охотника и прекрасного лыжника, сходить иногда по лыжне, проведать улья.

Дома, несмотря на радость встречи с внуками и сытные пироги Варвары Игнатьевны, он все беспокоился о своих пчелах, ульях, медосборе. Но иногда в долгие зимние вечера как-то тоскливо становилось на душе. Страшно делалось; что если любимое дело рухнет, мечта его пойдёт прахом. И опять перечитывал любимого Чехова: теперь «Черный монах» лежал у него на столе.

Сам себе он напоминал Песоцкого, в душе все у него замирало, когда он перечитывал слова Песоцкого, обращенные к Коврину.

«Я хочу спросить: что будет с садом, когда я помру? ... боишься, как бы в саду чего не случилось. А когда я умру, кто будет смотреть? Кто будет работать? Садовник? Работники? Да? Так вот что я тебе скажу, друг любезный: первый враг в нашем деле не заяц, не хрущ и не мороз, а чужой человек».

И Вошев тоже думал: «А что будет, когда я умру?»

В конце концов, Вошев твердо решил, что надо через год-два приобщать старших внуков к делу.

Деньги у него есть. На следующий год поставит фундамент, а ещё через год, когда, фундамент приспособится к их промерзлой почве, построит дом. Не такой, конечно, как у Мишки, но добротный: с кухней, с комнатами, с мансардой, чтобы, в случае чего, всем места хватило. Возьмет старших внуков – Петьку и Егора – глядишь, к делу приспособятся.

Эти мысли как-то успокоили Вошева, хотя он понимал: не факт, что кто-то из ребят, увлеченных компьютером и стрелялками, станет его наследником. Правда, он, дед, приучил их смотреть на небо, Егор серьезно увлекся астрономией, даже в кружок ходил при планетарии.

– Где, как ни в тайге, над озером, на звезды смотреть? – думал Дмитрий Иванович, вспоминая звездные ночи, которыми наслаждался, отдыхая после тяжелого дня.

По утрам, когда только-только разгоралась заря, и пар поднимался над озером, и рыба выпрыгивала из воды, радостно играя и сверкая чешуёй, Дмитрий Иванович медленно, проникаясь прохладой, спускался к озеру. Ловил себе на завтрак три – четыре рыбешки, кидал сочную кость Бурану, а потом целый день не отходил от ульев. Зато ночью, когда не хотелось еще спать, и все дела сделаны, было у Вошева время полюбоваться звездным небом, отражением луны в воде, послушать тишину.

– Знаешь, – говорил он старшему внуку, – звезды переговариваются, и весь космос дышит, поет.

Мальчишка, как замороженный слушал деда. Вот на это и надеялся Дмитрий Иванович. А потом, постепенно, хотел приучить к делу, пристроить к пасеке.

С такими мыслями начинал лето 2008 года Дмитрий Иванович Воцев.

Правда была у него новая радость. На ближайшей сопке установили ретрослятор Мегафона. Теперь он мог взять с собой мобильный телефон и хоть сутками разговаривать с внуками.

Приехав на пасеку с утра пораньше, весь день крутился Воцев, не мог спины разогнуть. После зимней спячки пчел, много надо было сделать ему. Освободился он только поздно вечером. Накормил Бурана, – самому и есть не хотелось, – и позвонил детям. Долго болтал с внуками, то с одним, то с другим. Потом рухнул в сон, как провалился.

Утром его ждал страшный удар. Из ближних ульев пчелы поднялись с трудом. Как-то тихо покружили возле него и улетели, и Воцев с ужасом понял: улетели навсегда. Из дальних ульев, стоящих ближе к сопке, не поднялся никто. Он трясущимися руками поднял крышки и увидел страшную картину: все пчелы погибли.

Он не помнил, как сел в машину, как добрался до города. Вошел в квартиру бледный, потерянный. Варвара Игнатьевна, увидев его, всплеснула руками:

– Митиша, Митюша, что случилось? – едва прошептала она.

Дмитрий Иванович постоял молча, потом ответил, едва шевеля губами:

– Пчелы погибли.

Он прошел в комнату, открыл компьютер и быстро, очень быстро нашел ответ. Пчел губит излучение мобильных телефонов. Великий Альберт Эйнштейн как-то предсказал: «Сначала погибнут пчелы, потом люди».

Болгарская пророчица Ванга, ничего не зная о словах Эйнштейна, повторила через несколько десятков лет ту же фразу: «Сначала погибнут пчелы, потом люди».

Воцев, ничего не видя и не слыша, весь день просидел у компьютера, уставившись в одну точку. Варвара Игнатьевна входила, вздыхала, потом выходила, тихо плакала на кухне. Даже Буран как-то съежился и притих.

К ночи Дмитрий Иванович очнулся. Машинально открыл любимый томик Чехова и прочитал: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человека с молоточком нет, счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, – и все обстоит благополучно».

– Вот и показала когти, – горько подумал он.

Дмитрий Иванович взял в руки мобильник и вышел на балкон. Он не видел ни Енисея, ни огней города, ни звезд над головой. В глазах стояла одна чернота. Он размахнулся и со всей силы бросил телефон в эту черноту, понимая всю бессмысленность и детское бессилие своего жеста.

1

Специалисты полагают, что излучение мобильных телефонов и других высокотехнологичных устройств вмешивается в собственную навигационную систему пчелы, в результате чего насекомое не может найти дорогу домой. Исследования показали, что пчелы отказываются лететь в улья, если рядом находятся мобильники.

Ученые из университета Ландау (Landau University), Германия, считают электромагнитное излучение мобильных сетей возможной причиной внезапной массовой гибели пчел.

¹ СПРАВКА ИЗ ИНТЕРНЕТА

Между тем, исчезновение пчел, опыляющих большинство сельскохозяйственных растений, может привести к сокращению урожая, и, соответственно, к массовому голоду. The Independent приводит слова Альберта Эйнштейна, что без пчел человечество сможет прожить лишь четыре года.

СМЕРТЬ НА ДВОИХ

Иону Строе с благодарностью

Своего деда по материнской линии, Сулеймана, я никогда не видел. Я родился после войны, а он погиб во время войны. Но бабушка Фатима, которая воспитывала меня, тётя Тамара и моя мама – Елена, все они говорили о нем с любовью, нежностью и даже с восторгом. Мама, правда, была немногословна – она не любила вспоминать прошлое, – но иногда она раскрывалась и рассказывала мне яркие эпизоды детства и юности, которые запечатлелись в ней навсегда.

Детство мое прошло в Москве, и лишь однажды мы все вместе – я, бабушка и тётя (мама жила в другой стране) – приехали в Крым, в Гурзуф, где предки наши жили на протяжении 300 лет, не менее. Меня, десятилетнего, подвели к низкой изгороди большого двора, в глубине которого был виден фасад длинного одноэтажного каменного дома, сохранившего еще следы величия и гармонии, несмотря на многочисленные постройки и пристройки. Этот дом когда-то построил мой прадед, богатый купец и винодел.

Мне так много рассказывали о нашей семье, об этом доме, что мне казалось, будто я все видел своими глазами, присутствовал при всех событиях и принимал в них участие.

Семья деда турецкого происхождения. Они поселились в Крыму еще с тех времен, когда Крым попал под власть Османской империи, но предки бабушки были еще древнее – они пришли в Крым как завоеватели в составе Золотой Орды. А те, кто осели здесь, стали называться Крымскими татарами.

Деда моего называли Сулейманом в честь великого султана. По семейной легенде мои предки вели свой род от легендарного султана. По мужской линии все были высокие, стройные, светловолосые и голубоглазые. Таким был и мой дед. Бабушка рассказывала, что когда она впервые увидела деда, она вся замерла от восторга. Он показался ей прекрасным как небожитель. А познакомились они так.

Сулейману было 27 лет, когда обстоятельства вынудили его вернуться в родной дом. Десять лет назад он уехал учиться в Санкт-Петербург, поступил в Университет на факультет древней истории, затем учился в Париже и Женеве. Знал пять современных языков и столько же древних. Он готовился занять место профессора на кафедре древней истории Петербургского Университета, но получил письмо от отца, в котором было написано, что тот плохо себя чувствует и просит сына вернуться домой, заняться хозяйством. Потом, если у него другие планы, вместе с управляющим решить, как вести дела, чтобы после его отъезда в Петербург поместье и виноградники не пропали.

Дед вернулся домой в 1912 году. Он понял, что его отцу осталось недолго жить. У того была тяжелая форма астмы и держался он только потому, что хотел увидеть сына. После нескольких дней первой радостной встречи, рассказов и пожеланий, надо было приступить к делам. Вызвали управляющего. Это был очень умный и деловой человек, преданный нашей семье. Крымский татарин, имевший большую семью – пять сыновей, которые во всем ему помогали, – и младшую, единственную дочь, которую все баловали, но держали в строгости, заставляли учиться не только ведению хозяйства, но и азам классических наук. Управляющий привел с собой Фатиму, так звали девочку, и мой дед увидел перед собой пятнадцатилетнюю красавицу с огромными черными глазами, живую веселую, стройную, с такой тонкой талией, что обхватить её можно было пальцами одной руки. Он влюбился сразу и страстно. Через год мой прадед умер, но успел благословить выбор сына, сказав, что лучшей жены тому не найти. Со свадьбой ждали, как положено ещё год, и весной 1914 года Сулейман и Фатима стали мужем и женой. Несколько месяцев после свадьбы были самыми счастливыми в их жизни. Бабушка

рассказывала, что дед сразу познакомил её со своим другом. Все звали его Михаил или Мойша, но на самом деле имя звучало по-другому. Он был караим, некоторые имена этого языка были труднопроизносимы. Дед и Михаил учились в одной гимназии, очень дружили, увлекались древней историей и языками. Но деда ждала блестящая карьера, а Мойша, в силу бедности семьи, вынужден был остаться дома и заниматься вместе с отцом торговлей. Женился он рано. К 1914 году у него был уже годовалый сын.

В августе 1914 года началась первая мировая война.

Сулейман был сугубо штатским человеком. Его не призвали в армию, а добровольцем он не пошел. О караиме Михаиле не было и речи. Я даже не знаю, служили ли караимы в царской армии. У того и другого хватало забот о содержании семьи в столь жестокие времена. В нашей семье один за другим появилось трое детей: старшая дочь, Тамара, сын Фетхе, и в 20-ом году родилась моя мама – Елена.

Кто только не захватывал Крым во время первой мировой и гражданской войны!

Немцы, потом союзники – французы и англичане, а вместе с ними греки, румыны, итальянцы. И все грабили, грабили и вывозили из Крыма все, что только можно было увезти. Потом началась взаимная резня и расстрелы: красные и белые, белые и красные. Прежняя, спокойная и красивая жизнь ушла навсегда.

Я много читал потом об этом времени – оно ведь так переплелось с жизнью моей семьи! – все были виноваты. Всеобщее озверение и воровство раскрывается на страницах описания гражданской войны. И страшный, последний исход уходящей эпохи, – исход белой армии из Крыма.

Генерал С. Д. Позднышев, переживший с армией эвакуацию, вспоминал:

«Молча стекались к набережным серые толпы притихших людей. Их окружала глухая зловещая тишина. Точно среди кладбища двигался этот людской молчаливый поток; точно уже веяло над этим нарядными, красивыми, оживленными некогда, городами, дыхание смерти. Надо было испить последнюю чашу горечи на родной земле. Бросить все: родных и близких, родительский дом, родные гнезда, все, что было дорого и мило сердцу, все, что украшало жизнь и давало смысл существования; все, что надо было бросить, похоронить, подняв крест на плечи и с опустошенной душой уйти в чужой, холодный мир навстречу неизвестности».

Но, как ни странно, именно этот хаос и помог выжить нашей семье. Дед, с его знанием языков, понадобился всем, кто приходил сюда в эти годы. Гурзуф все-таки небольшой город. Там было меньше крови, но не меньше грабежа, часто узаконенного. И деда звали, чтобы сообщить кому-то из местных купцов и ремесленников, а чаще просто богатым обывателям, что у них изымается то-то и то-то, или призывали как переводчика на все языки Крыма к официальным лицам.

Семья выжила. Мой дед и его друг ничем себя не запятнали. Утвердившиеся красные в первую очередь отобрали торговлю Михаила, впрочем, назначив его управляющим в каком-то Совкомхозе (так никто и не узнал, что это значит), но он по-прежнему торговал в своем магазине. Потом пришли к деду с требованием – отдать все сбережения и вернуть виноградники трудящимся массам. Сбережений уже не было. А о виноградниках дед сказал: «Берите, но берегите. Это Крымское золото». Бабушка мне рассказывала, что дед очень радовался, когда видел, как советская власть бережно и рачительно относилась к виноградникам и знаменитым Массандровским хранилищам.

Сулейман был, наверное, самым образованным человеком в городе. Его вскоре назначили директором мужской школы. Надо сказать, что она стала лучшей в городе, а может быть, и в Крыму. Ни он, ни Михаил теперь никуда не стремились уехать, оберегая покой своих семей. В такое бурное и страшное время, время перелома и перемалывания, они нашли спокойную

нищу. Бабушка вспоминала, что в 30-е годы, когда где-то развивались гигантские стройки, а где-то сотнями тысяч сажали и убивали людей, в их маленьком мире, в их теплом старинном городе, два друга и две семьи жили спокойно и счастливо.

По вечерам друзья сидели в беседке возле дома. Над ними свисали просвеченные и напоенные солнцем гроздья крупного изумрудного или красно-янтарного винограда, играли в нарды и спорили, спорили. Каждый из них был знатоком истории и языка. Это был инструментарий их знаний. Сулейман утверждал, не без основания, что триста лет пребывания Крыма под османской империей, оставили в жизни полуострова неизгладимый культурный и религиозный след.

Михаил только посмеивался. Караимы пришли сюда еще из Вавилона. Часть народа израилева вернулась в Палестину, а часть попала в Крым и на Кавказ. И только много веков спустя хазары, принявшие иудаизм, смешались с истинными караимами. «Мы бережем истинную веру, отвергаем все поздние толкования. Именно мы народ божий. Современные евреи отступили ещё тогда, в Вавилоне. А мусульмане и христиане основные заветы веры взяли из Торы.

Спорили иногда до хрипоты, приводя в пример отрывки из древних манускриптов, которые знали наизусть и расходились довольные, чтобы потом снова сойтись в споре.

По выходным они гуляли вместе с семьями. Спускались к морю, купались и молчали, пока их жены болтали по пустякам. Иногда просили машину у кого-то из знакомых, чтобы прокатиться вдоль моря.

Одну из таких поездок Елена запомнила навсегда. Это был 1935 год. Тамара уже уехала в Москву. Поступила в Медицинский институт. Фетхе окончил школу и собирался в Симферополь, в инженерное училище, а маме было всего 15 лет. Поездка развлекала её. Раскрепостилась и бушевала сочная южная зелень, возвышались горы, вольно дышало море. Наконец они подъехали к огромной долине. Вокруг, куда ни кинь взгляд, террасами спускались виноградники. Дед вышел из автомобиля. Сорвал одну кисть и поднес её к глазам. Виноградины заиграли с солнцем как драгоценные камни. Каждая ягода посылала свой изумрудный свет. Глаз нельзя было оторвать.

– Смотрите, дети. Раньше эти виноградники были наши. Теперь они общие. Не жалейте свое личное. Думайте о винограде. За ним ухаживают, его любят, делают отличное вино. Я хочу, чтобы вы любили эту землю, её язык и этот виноград.

Елена пришла в восторг. Так она потом рассказывала мне. Она поняла и почувствовала благородство своего отца. Его любовь к чему-то незримому, но родному.

Совсем по-другому отреагировал Фетхе.

– Что же тут хорошего, когда все, возделанное и созданное нашими предками, отдано неизвестно кому? «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё!»

Мама рассказывала, что главной чертой брата в эти годы была едкая ирония по отношению ко всему окружающему. Впрочем, высказывал он её только в кругу самых близких людей.

– Главное, что дело живет, а не погублено, строго ответил дед, – мы сами найдем, чем заработать и что делать, – ответил дед.

Вот так и определились судьбы трёх родных людей.

Летом 1940 года вся семья последний раз собралась вместе. Отмечали пятьдесят пять лет Сулейману и двадцатилетие Елены. Пришли все друзья и знакомые. Бабушка вспоминала, что никогда не было у них так шумно, многолюдно и весело, как в этот день. Её больше всего радовало, что прилетела из Москвы Тамара, теперь уже известный в Москве врач-офтальмолог, с ней прилетел её муж – хирург; приехал из Симферополя Фетхе. А уж Михаил и его сын, Семен, который немного ухаживал за Еленой, просто не уходили из их дома, помогая принимать гостей.

– Я тогда даже подумала – не к добру это, такая радость и веселье, – говорила бабушка. – Как в колодец смотрела.

Поздней осенью 1941 года немцы заняли Крым и вошли в Гурзуф. Тамара осталась в Москве, её муж ушел на фронт. Ушел на фронт и вскоре погиб Семён, сын Михаила. Фетхе избежал мобилизации и примкнул к немцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.